

УДК 141.7:004

А.В. Кузнецов,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГПУ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»

SUMMARY

The article deals with theoretical bases of information society's conceptions, which are stylish in modern sociological literature. The author notes that these conceptions are based on technological determinism ideas that result from orientations of cultural and historic paradigm of social science. The author has a theory that cultural-historic paradigm have played positive role in modern social science formation, but at the beginning of XXIth century it lost its heuristic value in the face of technogenetics civilization's crisis. Consequently information society's theorists emphasize advantages of information technologies implementation in production and every day life, but they ignore negative effects of this process in modern capitalism circumstances.

А.В. Кузнецов,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГПУ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»

В конце XX в. колоссальные достижения в области развития коммуникационных технологий, сопровождающиеся радикальными социальными изменениями, вызвали необходимость переосмысления технологических и социальных новаций в философской и социологической литературе. Это привело к появлению ряда терминов, с помощью которых социальные теоретики пытаются определить теку-

щий период мировой истории. Так, современное общество называют постиндустриальным, посткапиталистическим, постбуржуазным, постэкономическим, постпротестантским, постцивилизационным, постисторическим, сетевым, обществом радикализованного модерна, постмодернистским, программированным, коммуникационным и т. д. Наряду с этими терминами часто употребляется и термин «информа-

ционное общество». Как известно, данный термин впервые начал использоваться для обозначения широкого внедрения в социальные практики новых информационных технологий в конце XX в. в рамках так называемого технологического детерминизма.

Технологический детерминизм является своеобразным ответом на увеличивающуюся роль науки в жизни современного общества. Наука, как предсказывал еще в середине XIX в. К. Маркс, превратилась в конце XX в. в главную производительную силу общества. Сокращение временных расстояний между фундаментальными научными открытиями и созданием на их основе новых технологий, внедрением этих технологий в промышленное производство радикально изменяет все сферы жизни общества. Именно поэтому представители технологического детерминизма видят решение всех проблем современного общества в дальнейшем и ускоренном развитии науки и новых технологий. Среди многочисленных сторонников концепций технологического детерминизма ведущую роль играл Д. Белл.

В своей программной статье «Социальные рамки информационного общества», опубликованной еще в 1980 г., Д. Белл отмечает следующее: «Информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют собой поворотные пункты современной истории... Современная технология открывает множество альтернативных путей для достижения уникальных и вместе с тем разнообразных результатов, при этом неизменно возрастает производство материальных благ. Таковы перспективы, вопрос лишь в том, как их реализовать» [1, с. 333, 340].

Таким образом, с точки зрения Д. Белла, как, впрочем, и других представителей технологического детерминизма, внедрение новых технологий в социальные практики, начиная с промышленного производства и заканчивая духовной жизнью общества, ведет к колоссальному ускорению общественного прогресса и решению всех основных глобальных проблем современности.

Однако теоретико-методологическим основанием самого технологического детерминизма является культурно-историческая парадигма социального знания. Необходимо отметить, что в рамках культурно-исторической парадигмы социального знания существуют и развиваются не только разного рода концепции технологического детерминизма, но и противостоящие этим концепциям многочисленные теории цивилизационного подхода к истории человечества.

В структуре современных социально-гуманитарных дисциплин (политологии, социологии, экономической теории, педагогики, психологии и т. д.) большое место отводится разделу,

посвященному истории этих дисциплин. Анализ работ, рассматривающих эти исторические разделы, показывает, что вплоть до XIX в. большинство ученых и мыслителей вписали свои имена в историю не только какой-либо одной из социально-гуманитарных дисциплин, но и стали одновременно видными представителями истории других. Например, Ж.Ж. Руссо может быть по праву назван одним из предтеч современной социологии, политической теории и педагогики. А.Р.Ж. Тюрго – основатель экономической школы физиократов XVIII в. – является одновременно и одним из видных теоретиков истории и социологии. Т. Гоббс внес свой вклад в историю большинства современных социально-гуманитарных дисциплин. Список таких мыслителей и ученых (от античности вплоть до XVIII в. включительно), внесших значительный вклад в историю одновременно нескольких социально-гуманитарных дисциплин, можно продолжить.

Факты подтверждают точку зрения многих историков социальной мысли о том, что политология, социология, экономическая теория, психология и другие общественные науки оформились как самостоятельные академические дисциплины (со своим предметом и методами исследования) лишь в XIX в. в процессе развития и дифференциации социального знания. До этого периода социальное знание являлось достаточно однородной системой представлений и понятий об обществе и его истории, о взаимосвязи общества и личности, о государстве. Эта система была составной частью метафизической концепции того или иного мыслителя, включающей помимо социального знания проблемы онтологии, гносеологии и антропологии.

Разложение традиционной метафизики в конце XVIII в. под влиянием коперниканского переворота в философии, осуществленного И. Кантом, послужило фундаментом как выделения основных философских дисциплин (онтологии, гносеологии, антропологии), так и дифференциации социального знания, приведшего к появлению в первой половине XIX в. достаточно автономных социально-гуманитарных дисциплин.

Таким образом, уже априорно можно предположить, что история социального знания в целом проходит определенные (связанные с историей самого общества) этапы своего развития, отличающиеся друг от друга системой понятий, с помощью которых социальные теоретики пытаются описать реально существующую социальную действительность и дать определенные прогнозы возможного состояния общества в будущем. Это априорное предположение может быть дополнено исследованием эмпирических фактов исторического развития социального знания.

Любой историк социальной мысли, прочитав произведение того или иного автора, даже

не зная его имени и лет жизни, практически сразу определит, к какой исторической эпохе в развитии европейского обществознания относится данная работа – к эпохе античности, средневековья, нового времени (XVII–XVIII вв.), XIX – начала XX в. или к современности. Работы авторов, принадлежащих к одной эпохе исторического развития, несмотря на то, что они порой выражают в своих социально-политических концепциях диаметрально противоположные идеологии, объединяет общий взгляд на общество, перспективы его исторического развития, государство и т. д. Такие исторически меняющиеся системы представлений и понятий о социальном мире человека можно обозначить понятием «парадигма социального знания».

Под парадигмой социального знания мы понимаем систему представлений и понятий, с помощью которых описывается существующая социальная реальность, характеризуется историческое прошлое общества и делаются прогнозы о его будущем. В структуру парадигмы социального знания входят понятия и представления об обществе и его структуре, о взаимосвязи общества и природы, об отношениях общества и личности, о ценностях духовной культуры, о социальной истории и перспективах развития общества, а также методы обоснования социального знания.

Радикальные изменения в обществе приводят к тому, что понятия, с помощью которых социальные теоретики до сих пор объясняли социальные процессы и делали прогнозы на будущее, теряют свое значение, а представления большинства членов общества, коренящиеся в этих теоретических постулатах, не могут обеспечить ориентацию их носителям в меняющейся социальной среде. Все это приводит к критике прежней парадигмы социального знания и выдвижению новых идей и понятий, которые впоследствии станут составными элементами будущей новой парадигмы социального знания.

Поскольку смена парадигм социального знания связана с радикальными изменениями в развитии общества, исторические формы парадигм, безусловно, определяются тем типом социума, в общественном сознании которого эти парадигмы господствуют. Исходя из этого предположения и на основе изучения истории общественной мысли, мы можем выделить шесть исторических типов (в истории общественной мысли Европы) парадигм социального знания: мифологическую, космоцентрическую, теоцентрическую, естественно-правовую (или натуралистическую), культуру-историческую и формирующуюся в настоящее время эколого-футурологическую.

Поскольку культуру-историческая парадигма социального знания сыграла роль теоретико-методологического основания техно-

логического детерминизма в целом и концепции «информационного общества» в частности, необходимо более подробно остановиться на характеристиках этой парадигмы.

Следует отметить, что в формировании данной парадигмы огромную роль сыграла немецкая классическая философия.

Во-первых, проведенное И. Кантом различие между теоретическим и практическим разумом поставило проблему соотношения естественно-природного и социально-культурного в развитии общества. Впервые был поставлен вопрос об отличиях в методологии естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин.

Во-вторых, делая акцент на субъекте познавательного процесса, рассматривая познание не как созерцание, а как деятельность субъекта, немецкая классическая философия поставила вопрос об истории как закономерном процессе развития человечества и методе исследования во всех социально-гуманитарных науках. Если в области естественно-научного познания математическая физика еще долгое время оставалась образцом научного познания, то в области социально-гуманитарного знания таким образом в XIX – первой половине XX в. стала история.

Однако немецкая классическая философия, ориентируясь на идеализм в понимании истории, невольно мистифицировала исторический процесс развития человечества. Так, с точки зрения Г. Гегеля, за реальными историческими противоречиями стоит диалектика саморазвития абсолютного духа. Вот почему материалистическое понимание истории К. Маркса явилось новым шагом в развитии культуру-исторической парадигмы социального знания. С точки зрения К. Маркса, такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд [2, с. 191].

Именно эта идея К. Маркса была подхвачена и развита представителями технологического детерминизма. Однако, являясь вполне адекватной концепцией эволюции человечества для периода устойчивого развития техногенного общества (XIX – первая половина XX в.), культуру-историческая парадигма социального знания (и ее разновидность в образе концепции технологического детерминизма) теряет свои эвристические возможности в условиях эндо-экзокриза техногенного общества в последней трети XX–XXI в.

Как уже отмечалось, культуру-историческая парадигма социального знания, основа-

ния которой были заложены представителями немецкой классической философии и развиты в философии марксизма, неокантианства и в социологии технологического детерминизма, опирается на фундаментальное противопоставление методологии познания в естествознании и обществознании. Основанием этого противопоставления было то обстоятельство, что картина мира в естествознании вплоть до научной революции начала XX в. являлась в основном ньютоновской, исключавшей, по словам И. Пригожина, «стрелу времени». В свою очередь, картина мира в обществознании опиралась на тенденцию прогрессивного развития общества, обоснованную с разных сторон и представителями классической немецкой философии, и родоначальниками позитивизма (О. Конт и Г. Спенсер), и классиками марксизма (К. Маркс и Ф. Энгельс). В результате этого методологического дуализма антропоцентризм европейской философии, который явственно начал проявляться еще со времен Р. Декарта, получил добавочное теоретическое подкрепление.

Антропоцентризм базируется на идее активности культуры, человечества и пассивности природы. При этом природа рассматривается в лучшем случае как фон, на котором происходят исторические события, или как пассивный материал для культуротворческой деятельности. В условиях современного экологического кризиса антропоцентристские установки современного обществознания не позволяют дать адекватный ответ этому вызову для всего человечества. Они базируются на идее неисчерпаемости природы как материала для культуротворческой деятельности человека. Однако, как отмечает Э. Ласло, «...вера в неисчерпаемость природы не только заведомо ложна, но и чрезвычайно опасна. Она открывает широкий простор для нанесения чрезмерного ущерба природным ресурсам планеты и безумной чрезмерной нагрузки на способность биосферы к самовосстановлению» [3, с. 68].

Второй характерной чертой культуро-исторической парадигмы социального знания является представление об обществе как саморазвивающейся системе, переходящей от одного типа самоорганизации к другому. При этом для большинства обществоведов, работающих в рамках культуро-исторической парадигмы, каждый новый тип этой самоорганизации является более сложным и более развитым, нежели предшествующий. На этой основе формируются концепции естественно-исторического процесса развития общества и его прогресса. Эти концепции отражали реальные процессы устойчивого и динамического развития технологического общества во второй половине XIX — начала XX в. Однако со второй половины XX в., когда человечество столкнулось с ранее неведомыми угрозами, ставящими на повестку дня

его собственное существование, представления о естественно-историческом и прогрессивном развитии общества, как бы запрограммированных в ценностях культуры техногенной цивилизации, превратились в историцистские иллюзии относительно перспектив дальнейшего развития человечества. Глобальные проблемы современного человечества, с точки зрения историцизма, непременно будут решены в процессе естественно-исторического развития. Из идей историцизма вытекают концепции технологического детерминизма и экстраполяции тенденций развития современной цивилизации на будущее.

Антропоцентристская и историцистская установки современной культуро-исторической парадигмы социального знания обновляют и такую характеристику современного обществознания как логоцентризм. Как известно, логоцентристская установка присуща классической философии. Но в рамках культуро-исторической парадигмы она приобретает новый облик. Коль скоро субъектность человеческого бытия противопоставляется объектности природы, а сама эта субъектность рассматривается как исторический процесс развития от низших стадий к высшим, то социальный мыслитель как бы ставится в положение оракула, вещающего от имени Бога, Разума или Истины. Работы данного мыслителя рассматриваются им самим и его сторонниками не как личная интерпретация исторических процессов, а как объективная и непререкаемая истина, отражающая суть этих процессов.

На этой логоцентристской установке строятся во многом и современные футурологические прогнозы, и рекомендации для государственных органов и общественных организаций. Логоцентристская установка изучения будущего исключает критический анализ тех проектов преобразования реально существующего общества, которые построены на этом изучении. Как отмечает З. Бауман, «с огромным упрощением (но таким, что позволяет обнажить суть дела) можно сказать, что современная гуманистика моделировала мир в первую очередь как *объект администрирования*. Это был мир, обозреваемый с высоты стола генерального директора. Это был мир, в котором ставились и реализовывались цели, а общую цель расщепляли на подпроблемы для исполнения, мир, в котором сегодняшнее состояние оценивалось по тому, приближается оно или отдаляется от запланированного на завтра, и в котором главным условием достижения целей (и уже поставленных и еще непридуманных) была сплоченность рядов исполнителей» [4, с. 70].

В свою очередь, отношение к социальному миру как к проекту преобразований тесно связано с такой характеристикой культуро-исторической парадигмы, как сциентизм.

В современных футурологических прогнозах делается акцент на количественных показателях роста экономики, изменениях демографической ситуации, росте потребления и отходов, за которыми исчезает целостная картина качественных изменений развивающегося общества.

Поскольку подавляющее большинство современных исследований проведено на Западе, а сама культурно-историческая парадигма социального знания как методологическая основа этих исследований возникает в XIX в., являясь отражением западного (европейского и североамериканского) пути развития человечества, то этим исследованиям присуща европоцентристская (или «западнистская», согласно терминологии А. Зиновьева) установка. Данная установка заставляет рассматривать народы и общества, которые находятся вне рамок развития европейской цивилизации как недоразвитые, нецивилизованные, находящиеся на низших этапах общественного развития по сравнению с Европой и США. Отметим, что бедность, экономическая зависимость, социальная напряженность в этих странах рассматриваются как следствие культурной недоразвитости. Таким образом, разрешение противоречий современной мир-экономической системы в рамках данной европоцентристской установки решается очень просто (хотя и неадекватно): весь мир должен принять ценности западной культуры и все эти противоречия сами собой исчезнут.

«Ценности европейской культуры» — особенно после распада СССР и крушения реального социализма в странах Восточной Европы — отождествляются в работах многих современных футурологов с ценностями капиталистической мир-экономической системы. Следовательно, принципиальной установкой социологических исследований является своеобразный «капиталоцентризм», где будущее человечества отождествляется с развитием так называемого свободного капиталистического рынка. Однако, как отмечает Э. Ласло, «...рынок распределяет прибыли только при условиях совершенной конкуренции, когда все игроки начинают с более или менее равного “числа фишек”. Никто и никогда не наблюдал “совершенного рынка” — в отличие от теории в реальном мире игровое поле никогда не бывает равным для всех игроков и дает преимущество победителям за счет проигравших. Это отчетливо видно по распределению доходов в современном мире, где на долю 40 процентов беднейшего населения приходятся 3 процента мирового богатства, тогда как несколько сотен миллиардеров имеют годовой доход, равный годовому доходу половины населения земного шара» [3, с. 70].

Соответственно концепциям «информационного общества», построенным на теоретико-методологических основаниях культурно-исто-

рической парадигмы социального знания, при сути противоречия, которые характерны для всей этой парадигмы в целом:

1. Как показывают современные исследования последствий ускоренного внедрения информационных технологий, они могут заключаться и в полном контроле над жизнью и деятельностью пользователей информационных сетей, когда данные о человеке, начиная от уплаты налогов до его медицинской карты, могут мгновенно фиксироваться в компьютерах государственных учреждений.

2. Всеобщая компьютеризация, помимо расширения возможностей человека в области общения с другими людьми, часто ведет к виртуализации его жизненного мира, выключает из той социальной реальности, в которой он находится.

3. Отношения человека с инструментами сложнее, чем простое умножение возможностей: расширяя возможности, информационные технологии одновременно подчиняют человека, помимо удовлетворения потребности, ради которой они и были созданы, начинают удовлетворять иные потребности или даже их порождать.

4. Кроме того, многим теориям технологического детерминизма, включая концепции информационного общества, свойственен тот недостаток, о котором говорил в свое время В.И. Вернадский. Он отмечал, что большинство историков и философов рассматривают биосферу Земли лишь как фон или, в лучшем случае, как сырой материал культурно-производственной практики человечества.

Как отмечает один из видных специалистов в области философии информации А.В. Соколов, «главной движущей силой постиндустриальной глобализации являются могущественные *транснациональные корпорации* (ТНК), стремящиеся превратить весь мир в рынок сбыта своей продукции. Интересам ТНК соответствует идея «информационного общества» как интеллектуально развитого либерально-демократического общества, достигшего сплошной информатизации общественного производства и повседневной жизни людей благодаря мощной компьютерно-коммуникационной базе... Поэтому я называю информационное общество не научным прогнозом, а политическим мифом эпохи глобализации, отвечающим корыстным интересам частного капитала и государственной бюрократии» [5, с. 362–363].

Тем не менее, проведенный критический анализ теоретико-методологических оснований концепций «информационного общества» отнюдь не означает принижение возможностей современных информационных технологий. Более того, с нашей точки зрения, современные информационные технологии являются необходимым (хотя далеко не единственным) условием рефлексии человечества как неравновесной, открытой, саморазвивающейся сис-

темы над потенциальными путями своего развития. Только в результате этой рефлексии возможно нахождение путей выхода из кризиса современной техногенной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1959.
3. Ласло, Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен / Э. Ласло. – М., 2004.
4. Бауман, З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социологический журнал. – 1994. – № 4.
5. Соколов, А.В. Философия информации: проф.-мировоззр. учеб. пособие / А.В. Соколов. – СПб., 2010.

SUMMARY

The article deals with theoretical bases of information society's conceptions, which are stylish in modern sociological literature. The author notes that these conceptions are based on technological determinism ideas that result from orientations of cultural and historic paradigm of social science. The author has a theory that cultural-historic paradigm has played positive role in modern social science formation, but at the beginning of XXth century it lost its heuristic value in the face of technogenetics civilization's crisis. Consequently information society's theorists emphasize advantages of information technologies implementation in production and every day life, but they ignore negative effects of this process in modern capitalism circumstances.

Поступила в редакцию 28.03.2012 г.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ